

УДК 93

**ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ В КОНТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ, ПЕРЕКРЕСТНОЙ
И ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

Л. П. Репина

В статье рассматриваются некоторые аспекты последствий так называемого «мемориального поворота» в современном гуманитарном знании. Подробно представлены взгляды на такую аналитическую категорию, как *событие*. Историческая наука пережила «возвращение», или «возрождение события», еще в последней трети XX в., однако особый эпистемологический статус категория *событие* обрела именно с разворачиванием мемориальной парадигмы в общем контексте обновления исторической науки на рубеже XX и XXI веков. В последние годы все более заметно создание различных интерпретаций истории в угоду определенным политическим взглядам. Именно поэтому все больше места в современных исследованиях занимает так называемая «историческая политика», или *политика прошлого*. Одновременно происходит *пространственный поворот*, самым ярким проявлением которого, отразившим происходившие в мире и науке перемены, стало формирование междисциплинарного исследовательского поля глобальной или новой мировой истории (*global history, new world history*). Учеными разрабатываются модели *транснациональной* и *глобальной* истории, пополняется корпус исследований, преодолевающих ограниченные горизонты историй отдельных национальных государств. Такая история предстает сегодня не только как совокупность фундаментальных эмпирических исследований, но и как уникальное по своему многообразию пространство идей и подходов, определяемых по-разному – как история транснациональная, перекрестная, связанная (*transnational, histoire croisée, connected history; entangled, shared, integrated*). Лидером данного научного направления в России является Институт всеобщей истории РАН, который сохранил в своем названии наименование «всеобщая история», сложившееся в российской историографической традиции XIX столетия в широкой трактовке – как история всего человечества. Становление глобальной истории в ее современном варианте отражает развитие мыслительной традиции, в которой принцип целостности сочетается с учетом различий и многообразия. В последние годы заметно выросло число ученых, разрабатывающих модели *транснациональной* и *глобальной* истории, и, соответственно, пополнился корпус исследований, преодолевающих ограниченные горизонты историй отдельных национальных государств. «Связанная» и «перекрестная» истории, входящие

в поле транснациональных исследований, противопоставили национальной и классической универсальной истории историю *взаимосвязанных* процессов, объединяющих общества, культуры, цивилизации. В центре внимания связанной истории находятся сложные мультикультурные образования или различные формы международных сообществ, находящихся в более или менее тесных взаимоотношениях.

Ключевые слова: мемориальный поворот, историческое событие, глобальная история, политика прошлого, коммуникативные процессы, перекрестная история.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Репина Л. П. Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории (к постановке вопроса) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 13–19.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-13-19

«Мемориальный поворот» в современном гуманитарном знании актуализировал дискуссии вокруг ряда, казалось бы, давно устоявшихся в исторической науке понятий, в том числе такой аналитической категории, как *событие*. Стоит отметить, что историческая наука пережила «возвращение», или «возрождение события», еще в последней трети XX в., однако особый эпистемологический статус категория *событие* обрела именно с разворачиванием мемориальной парадигмы в общем контексте обновления исторической науки на рубеже XX и XXI веков. Причем в данной парадигме в центре внимания оказываются как социальный контекст события, так и его субъективное восприятие активными участниками, свидетелями, потомками, историками разных поколений, а принципиальной познавательной установкой является учет вероятностного характера событий и субъективности действующих лиц.

В последние годы все больше внимания обращается на этико-аксиологические аспекты познания прошлого. С одной стороны, социальные группы разных масштабов и так называемые «воображаемые сообщества» (в терминологии Бенедикта Андерсона [1, с. 288]) испытывают потребность в различных формах исторического знания. Они могут жаждать ликвидации «черных дыр» и «белых пятен» своей национальной истории, но достаточно часто результатом становится лишь рождение очередного исторического мифа. Представления о базовых событиях прошлого часто являются результатом воображения, но используются с конкретными идентификационными целями. Их создатели при помощи образов придают устойчивость своей идентичности, чувству принадлежности к определенной культурной общности. Яркие исторические образы, разделяемые членами этой общности, исторические события, превращенные в значимые для ее представителей «места памяти», становятся основой ее консолидации. Проблема социально ориентированного исторического знания обостряется в условиях кризисного состояния общества и проявляется в создании различных интерпретаций истории в угоду определенным политическим взглядам и их популяризации в воспитательных целях. Именно поэтому все больше места в современных исследованиях занимает так называемая «историческая политика», или *политика прошлого*. При этом профессиональные историки (в том числе российские и, надеюсь,

словацкие) разделяют позицию о недопустимости сознательного искажения событий как недавнего, так и далекого прошлого.

Что касается пространственного поворота, то содержание этого понятия весьма широко, но, пожалуй, самым ярким его проявлением, отразившим происходившие в мире и науке перемены, стало формирование междисциплинарного исследовательского поля глобальной или новой мировой истории (*global history, new world history*). Родиной ее считают США и Великобританию, но в последние десять лет она интенсивно развивается в Европе (Германия, Италия, Голландия, Франция), а также в Канаде, Австралии, Японии, Китае и других странах мира. В центре внимания исследователей данного направления – *коммуникативные процессы*, связанные с процессом глобализации, но воспринимаемые в глубокой ретроспективе и охватывающие развитие взаимосвязей в мире по крайней мере за последние полтысячелетия или более. Такая история предстает сегодня не только как совокупность фундаментальных эмпирических исследований, но и как уникальное по своему многообразию пространство идей и подходов, определяемых по-разному – как история транснациональная, перекрестная, связанная (*transnational, histoire croisée, connected history; entangled, shared, integrated*) и т. п. [6]. Лидером данного научного направления в России является Институт всеобщей истории РАН, который, сохраняя в своем названии наименование «всеобщая история», сложившееся в российской историографической традиции XIX столетия в широкой трактовке – как история всего человечества, издал 6-томную «Всемирную историю», подготовленную с учетом новых подходов [4].

Открывшиеся в 1990-е годы для российских историков возможности приобщения к мировой историографии совпали по времени с ее отказом от создания крупных исторических полотен и предельной фрагментацией исторического знания. Однако в ходе осмысления последствий глобализации вновь возникла потребность в масштабном взгляде на историю, способном охватить прошлое человечества как единого целого, сформировались новые макроисторические подходы, опирающиеся на представление о когерентности мирового исторического процесса. Становление глобальной истории в ее современном варианте отражает развитие мыслительной традиции, в которой принцип целостности сочетается с учетом различий и многообразия. В последние годы заметно выросло число ученых, разрабатывающих модели *транснациональной* и *глобальной* истории, и, соответственно, пополнился корпус исследований, преодолевающих ограниченные горизонты историй отдельных национальных государств.

Сторонники новых макроисторических подходов имеют разные точки зрения по многим вопросам, включая периодизацию мировой истории, соотношение между глобальной и региональными или национальными историями, но сходятся в понимании насущной необходимости особой формы истории для исследования глобальных процессов в их исторической ретроспективе. Глобальная история, стремящаяся на новом теоретическом уровне охватить человечество как некую структуру в историческом развитии взаимосвязей ее отдельных частей, может быть понята и как осмысление процесса мировой интеграции через живое взаимодействие локальных и национальных культур.

Сегодня можно говорить о существовании как минимум двух вариантов глобальной/мировой истории. Первый вариант представлен историческими исследованиями, цель которых заключается в том, чтобы показать «глобальную историю» как целостность мирового, регионального или межрегионального уровня. При этом ученые

используют давно разработанные линейно-стадиальные, цивилизационные или мир-системные аналитические схемы, сравнительно-исторический подход и исследования культурных трансферов. Такой вариант остается преобладающим, что неудивительно, поскольку во многих университетах мира преподаются и изучаются курсы глобальной истории в духе всеобщей истории.

Связанная и перекрестная истории, входящие в поле транснациональных исследований, противопоставили национальной и классической универсальной истории историю *взаимосвязанных* процессов, объединяющих общества, культуры, цивилизации. В центре внимания связанной истории находятся сложные мультикультурные образования или различные формы международных сообществ, находящихся в более или менее тесных взаимоотношениях. Принципиальной в данной стратегии изучения двух или нескольких связанных объектов, принадлежащих к разным культурам, является учет субъективности и активности всех сторон взаимодействия.

Проблема связанности историй ставится в самых разных контекстах: в ряде случаев (Я. Ассман, М. Ротберг) речь идет о путях преодоления конфликтогенных форм культурной памяти, о связанности и продуктивном взаимодействии разнонаправленных проявлений исторической памяти членов глобального сообщества, т. е. связанными оказываются не только исходные явления (т. е. *ситуации реальной* связанности социальных действий в прошлом), но и их зачастую взаимно противоречащие образы в настоящем. Это инклюзивная модель – в ее рамках исследователь не может выделить в диалоге единственную «правую» сторону, создать единственно верную картину прошлого.

Особый интерес вызывает *перекрестная* история (*histoire croisee*), направленная на сравнение динамических образов взаимодействующих культур. В перекрестной истории смыслы понятий и теоретические подходы «не являются фиксированными», они не только могут, но и должны меняться в процессе исследования. Создатели *перекрестной истории* (французские историки М. Вернер и Б. Циммерман) показали, что ситуацию связанности невозможно изучать, просто придав историческому сравнению максимально симметричный характер, а исследователю – положение, равноудаленное от сравниваемых объектов, так как такая позиция, хотя теоретически и представима, но практически нереализуема, причем ситуация усугубляется при многостороннем сравнении [9, pp. 30–31, 34]. Здесь необходим многомерный и динамичный подход, учитывающий сложность конфигураций объектов, их подвижность и интерактивность и исключающий доминирование линейных схем и простых причинных связей [9, pp. 38–42].

Для подобных теоретических моделей характерен не классический вариант системно-структурного подхода, попавший в свое время под критику постмодернистов, а деятельностный подход – «понимание социального контекста деятельности как ситуации, задающей не только условия, но вызовы и проблемы, которые требуют своего разрешения, а также установка на то, что субъективность исторического актора (индивида или группы) во многом определяет результаты его деятельности, которая, в свою очередь, преобразует собственный контекст». Если классическая историография ставила перед собой задачу «достичь “объективного” образа прошлых событий», то диалоговая парадигма перекрестной истории соединяет проблемы интерпретации культурных взаимодействий в истории и в сознании историка [3, с. 62]. Условием диалога с прошлым становится внутренний диалог историка и диалог в обществе историков, благодаря чему создается новый образ прошлого, когерентность

которого обеспечивается не целостностью или системностью, а связанностью или сцепленностью в рамках полифонии соотносимых познавательных перспектив, конкурирующих в историческом знании в пределах профессиональных норм.

Таким образом, в центре внимания связанной и перекрестной историй оказываются не иерархия и конфликт, а освоение человечеством все новых способов взаимодействия, пространство диалога исторических памятей его равноправных и самоценных участников – человеческих сообществ как субъектов, обладающих собственным голосом, активностью и культурной самобытностью [5, с. 164–165]. На место изучения структур ставится исследование взаимодействий между акторами и их результатов, а следовательно – событий и их образов, запечатленных в коллективной и культурной памяти. Проблема, однако, заключается в том, что процедуры организации множества событий в хронологическую последовательность находятся в трудноразрешимом противоречии, выступающем как противоречие познания макро- и микромира. Это противоречие особенно ярко проявляется в интерпретации крупномасштабных социально-политических событий разными сторонами взаимодействия. Между тем сторонники и теоретики связанной истории специально к проблеме событийности в рамках модели межкультурного диалога (в диалоговой парадигме) не обращаются.

Именно поэтому представляется важной и актуальной задачей обратить внимание на перспективность взаимообогащения новых макроисторических моделей и новой событийной истории как подхода к изучению *исторического события* в соотношении с социально-пространственными характеристиками и культурными реалиями изучаемой эпохи. Интерпретация события в новых модификациях событийной истории опирается на соотношение внутреннего содержания и структуры события с его «внешней стороной», или с широко понимаемым историческим контекстом, а точнее контекстами – как синхронными (на разных уровнях), так и развернутыми во времени. Контекст накладывает на участников взаимодействия, стремящихся переинтерпретировать события прошлого с позиций актуального настоящего и желаемого будущего, структурные ограничения. При этом, помимо прочих, мощным ограничителем выступает сформированная в массовом сознании память о критических событиях прошлого, в том числе о «великих исторических событиях», которые в исторической науке служат вехами-маркерами периодизации национальной и мировой истории. В этом плане серьезные преимущества демонстрирует присущий связанной и перекрестной историям коммуникативный подход, который смещает на периферию идентификационный «заряд» коллективной памяти и, снижая ее конфликтогенность, порождает предпосылки для продуктивного диалога [8, р. 121–137; 2, с. 70–138]. Усиление коммуникативного, диалогического познавательного идеала современного гуманитарного знания требует разработки эффективной методики комплексного характера, способной выстроить исторический нарратив новой событийной истории в рамках моделей культурного диалога.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ.: В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

2. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

3. Вернер М., Циммерман Б. После компаратива: *histoire croisee* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59–90.
4. Всемирная история в 6-ти томах / под ред.: А. О. Чубарьян и др. М.: Наука, 2011–2017.
5. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями / пер. с англ. под ред. С. П. Капицы. М.: Логос, 2002. 192 с.
6. Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 560 с.
7. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
8. Assmann J. Globalization, Universalization, and the Erosion of Cultural Memory // *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories* / ed.: A. Assmann, S. Conrad. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 121–137.
9. Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: *Histoire Croisée* and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 1. P. 30–50.
10. Werner M., Zimmermann B. Penser l’histoire croisée: entre empirie et réflexivité // *Annales*. 2003. A. 58, № 1. P. 7–36.

Поступила 15.09.2017; принята к публикации 15.10.2017

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, президент Общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала «Диалог со временем», г. Москва, lorinarepina@yandex.ru

---

**THE MEMORY OF EVENTS IN THE CONTEXTS OF NATIONAL,
CROSS AND GLOBAL HISTORY (TO THE FORMULATION OF THE QUESTION)**

Lorina P. Repina

The article examines some aspects of the consequences of the so-called “memorial turn” in modern humanitarian knowledge. The views on such an analytical category as an event are presented in detail. Historical science has experienced a “comeback”, or “a revival of the event” as early as the last third of the 20th century, but a special epistemological status was taken up with the development of the memorial paradigm in the general context of the renewal of historical science at the turn of the 20th and 21st centuries. Noticeable the creation of various interpretations of history in favor of certain political views is. That is why the so-called “historical policy”, or the politics of the past, occupies more and more place in modern studies. At the same time, a spatial turn takes place, whose brightest manifestation, reflecting the changes in the world and in science, was the formation of an interdisciplinary research field of global or new world history (globalhistory, newworldhistory). Scientists are developing models of transnational and global history, a corpus of research has been added to overcome the limited horizons of stories of individual nation states. Such a story appears today not only as a set of fundamental empirical studies, but also as a unique in its diversity of space of ideas and approaches, defined in different ways – as a transnational, cross, connected (histological, integrated, integrated, entangled, shared, integrated). The leader of this scientific direction in Russia is the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, which, in its title, has retained the name “universal history”, which in the Russian historiographic tradition of the 19th century was broadly

interpreted as the history of all mankind. The emergence of global history in its modern version reflects the development of a thinking tradition in which the integrity principle is combined with differences and diversity. In recent years, the number of scientists developing models of transnational and global history has increased noticeably, and the corpus of research overcoming the limited horizons of the stories of individual national states has replenished accordingly. The “connected” and “cross-over” histories that are part of the field of transnational research, contrasted the national and classical universal history with the history of interrelated processes that unite societies, cultures, and civilizations. The focus of related history is complex multicultural education or various forms of international communities in more or less close relationships.

Keywords: memorial turn, historical event, global history, politics of the past, communicative processes, cross history.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Repina L. P. Memory of events in contexts of national, crossing and global history (to the statement of a question). *West – East*. 2017, no. 10, pp. 13–19. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-13-19

References

1. Anderson B. Vooobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 288 p. (In Russ.).
2. Assman Yan. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 368 p. (In Russ.).
3. Verner M., Tsimmerman B. Posle komparativa: histoire croisee i vyzov refleksivnosti [After the comparative: histoirecroisee and the challenge of reflexivity]. *Ab Imperio*. 2007, no. 2. pp. 59–90. (In Russ.).
4. Vsemirnaya istoriya v 6-ti tomakh [World History in 6 volumes]. Ed. by: A. O. Chubar'yan i dr. Moscow, Nauka, 2011–2017. (In Russ.).
5. Preodolevaya bar'ery: Dialog mezhdru tsvivilizatsiyami [Overcoming barriers: Dialogue among civilizations]. Moscow: Logos, 2002, 192 p. (In Russ.).
6. Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga [Reconstruction of world and regional history: from universalism to models of intercultural dialogue]. Ed. by L. P. Repinoi. Moscow, Akvilon, 2017, 560 p. (In Russ.).
7. Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of the 20th–21st centuries: social theories and historiographic practice]. Moscow: Krug", 2011, 560 p. (In Russ.).
8. Assmann J. Globalization, Universalization, and the Erosion of Cultural Memory. Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories, ed. by: A. Assmann, S. Conrad, New York: Palgrave Macmillan, 2010, pp. 121–137.
9. Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity. *History and Theory*, 2006, vol. 45, no. 1, pp. 30–50.
10. Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité. *Annales*. 2003. A. 58, no. 1, pp. 7–36.

Submitted 15.09.2017; revised 15.10.2017

Lorina P. Repina, Dr. Sci. (History), Professor, President of the Russian Society for Intellectual History, Moscow, lorinarepina@yandex.ru